

Асмондьяров Венер Надирович

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МЕТОДОЛОГИИ РЕКОНСТРУКЦИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ НАРОДА В КОНТЕКСТЕ ЭТНООНТОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АТЛАСА ДИАЛЕКТОВ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

В работе впервые предпринимается попытка идеографического описания лексики башкирского, татарского, якутского, чувашского и казахского языков в рамках четырех когнитивных сфер: Природа; Человек; Общество; Познание. Целью данного описания является подготовка базовой основы для создания структур опросников лингвистических и диалектологических атласов, а также облегчение систематизации самих карт и комментариев к ним. Актуальность исследования определяется неизученностью идеографических сфер диалектной лексики, относящейся к различным сторонам жизни тюркских народов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/4-2/17.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 4(70): в 2-х ч. Ч. 2. С. 63-67. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

16. Татаринов В. А. Теория термина: история и современное состояние. М.: Московский лицей, 1996. 311 с.
17. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка: пособие для студентов пед. ин-тов. Изд-е 3-е, испр. и доп. М.: Просвещение, 1972. 327 с.
18. Шарафутдинова Н. С. Лингвокогнитивные основы научно-технической терминологии: монография. Ульяновск: Ульяновский гос. тех. ун-т, 2006. 131 с.
19. Hoffmann L. Kommunikationsmittel Fachsprache: Eine Einführung. Berlin: Akademie-Verlag, 1976. 498 S.

**DETERMINATION AND INTERDEPENDENCE OF BASIC NOTIONS, FORMING THE STRUCTURE
AND COMPOSITION OF THE VOCABULARY OF PROFESSIONAL ACTIVITY SPHERES**

Artyushkin Oleg Valentinovich, Ph. D. in Pedagogy
Artyushkina Tat'yana Anatol'evna
Khakass State University named after N. F. Katanov, Abakan
artyshkin@yandex.ru; tatyana.an.art@yandex.ru

The article is devoted to the study of the basic notions of the vocabulary of professional activity spheres. The definitions of the terms “professional vocabulary” and “special vocabulary”, given by the leading linguists, as well as their relationship and interrelations are analyzed. The authors identify and consider the structural components of professional and special vocabulary, define the term “vocabulary of professional activity sphere”.

Key words and phrases: common vocabulary; vocabulary of limited use; professional vocabulary; special vocabulary; vocabulary composition; codification.

УДК 811.512.157

В работе впервые предпринимается попытка идеографического описания лексики башкирского, татарского, якутского, чувашского и казахского языков в рамках четырех когнитивных сфер: Природа; Человек; Общество; Познание. Целью данного описания является подготовка базовой основы для создания структур опросников лингвистических и диалектологических атласов, а также облегчение систематизации самих карт и комментариев к ним. Актуальность исследования определяется неизученностью идеографических сфер диалектной лексики, относящейся к различным сторонам жизни тюркских народов.

Ключевые слова и фразы: этноонтологическая интерпретация; диалекты тюркских языков; идеография; когнитивные сферы; алтайские языки; лингвистический атлас; диалектологический атлас тюркских языков; картина мира.

Асмондьяров Венер Надирович

*Башкирский государственный университет, г. Уфа
asm-vener@mail.ru*

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МЕТОДОЛОГИИ РЕКОНСТРУКЦИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ НАРОДА
В КОНТЕКСТЕ ЭТНООНТОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ АТЛАСА ДИАЛЕКТОВ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)**

В самом общем понимании диалектологический атлас – это собрание диалектологических карт одной территории, отображающих распространение тех или иных лингвистических черт одного или нескольких языков. Являясь продуктом такой отрасли, как ареальная лингвистика, любой языковой атлас базируется на принципах лингвистической географии.

Необходимо отметить, что ареальная лингвистика исследует не столько языковые контакты, сколько их продукт – различия и сходства между языками, диалектами на территории, отвечает на вопросы, где подобные контакты могли бы происходить. Как отмечает Д. И. Эдельман, ареальная лингвистика предметом своего исследования ставит изучение древних ареалов на основе современного распространения лингвистических явлений на местности. Это, в свою очередь, позволяет определить понятие «ареал» как территориально-языковой конгломерат [16, с. 6].

Диалектология на современном этапе ее развития практически немыслима без активного применения картографирования как основного метода визуального отображения тех или иных лингвистических элементов. Данные лингвистической географии позволяют более точно очертить территорию распространения того или иного языкового элемента, установить конфигурации данной территории, а сама дисциплина как правило, специализируется на решении двух основных прикладных задач. Во-первых, это выяснение ареала распространения неродственных языков, областей их контактирования и взаимодействия. Во-вторых, это изучение области функционирования тех или иных фонетических, грамматических, лексических и синтаксических явлений в рамках одного или нескольких близкородственных языков.

Основные проблемы ареальной лингвистики и лингвистической географии начали разрабатываться еще во второй половине XIX века, когда лингвисты пришли к выводу, что между языками и говорами может и не существовать четких границ, и каждое из языковых явлений может характеризоваться своим распространением, что может быть зафиксировано на карте так называемыми изоглоссами. В этом случае условная граница между двумя языками или диалектами будет представлять своеобразный «пучок» изоглосс. Этот факт

дает основания говорить о существовании «переходных зон» языков или «зон вибрации», где соседствующие языки взаимодействуют между собой. Это подтверждает один из ключевых принципов лингвистической географии – принцип лингвистической непрерывности [Там же, с. 7].

Примечательно, что инициаторами первого специализированного исследования с последующим размещением диалектного материала на картографическую основу были немецкий ученый Г. Венкер и французский лингвист Ж. Жильерон. Именно они одними из первых сделали попытку сформулировать основные понятия лингвогеографии. Их Лингвистический атлас Франции (Atlas linguistique de la France) содержал 1920 карт и отражал не только диалекты Франции, но и всей франкоговорящей Европы того времени. Сбор информации для лингвистического атласа осуществлялся прямым методом – данные записывались на месте составителями атласа. Кроме данного метода, позднее стал применяться и косвенный: информацию для атласа, на основе специальных опросников, собирали региональные «корреспонденты» с мест [13, с. 15; 16, с. 6].

О важности лингвогеографических исследований того или иного языка говорит и тот факт, что только посредством картографирования тех или иных явлений представляется возможным уточнить диалектное членение языка, границы говоров. Диалектологические атласы дают богатый материал не только лингвистам, но и этнографам, историкам и археологам. Иначе говоря, метод картографирования освобождает от индивидуальных и частных явлений, изоглоссы подчинены логической цели генезиса и эволюции языка [4, с. 17].

Как отмечают специалисты, создание лингвистического атласа диалектов и языков отдельного региона или более крупного ареала возможно при условии достаточно подробной монографической проработки языковых явлений и сбора соответствующего тематике и глубине исследования объема эмпирического лингвистического материала. Очевидно, что атласу должна предшествовать определенная подготовительная деятельность: очерчивание картографируемой территории, выбор сетки населенных пунктов на местности, составление опросников, сбор материалов в ходе полевых работ и т.д. Кроме того, несмотря на наличие достаточно большого количества подходов к картографированию языкового материала в лингвистических атласах, существуют определенные общие принципы, объединяющие их [8, с. 6-7]. Во-первых, это сбор материала по программе с приоритетом по отношению к сельским населенным пунктам. Во-вторых, это достаточно сжатые сроки, выделяемые для комплектования материала в различных регионах картографирования. Связано это с тем, что любой лингвистический атлас представляет собой языковую (диалектную) структуру в указанный момент времени и демонстрирует синхронный срез языка в территориальной проекции [12; 15; 17].

В истории тюркологической науки и ранее существовали разработки по вопросам, относящимся к объекту анализа ареальной лингвистики. По нашему мнению, для реконструкции развития как отдельного языка, так и всей тюркской (алтайской) семьи языков особое значение приобретает использование методов лингвистической географии.

Необходимо отметить, что монографическое исследование диалектов и говоров тюркских языков, будучи наиболее плодотворным в 50-70-е годы XX века, создало все предпосылки для составления национальных лингвистических атласов. Именно в данный период отечественной тюркологии, когда были собраны достаточно объемные фонетические, грамматические и лексические изоглоссные явления по многим языкам, была начата работа над «Диалектологическим атласом тюркских языков СССР» [15, с. 5-7]. Необходимо отметить, что идея составления атласа тюркских языков была выдвинута академиком Л. В. Щербой в 1926 году на I Тюркологическом съезде в г. Баку.

Лингвогеографическое изучение всецело обусловлено завершением работы синхронного обследования диалектов. Именно по этой причине значительно позднее решением IV Регионального совещания по вопросам диалектологии тюркских языков (октябрь, 1963) была создана отдельная комиссия для разработки мероприятий по подготовке атласа в составе Н. А. Баскакова, Н. З. Гаджиевой, Л. А. Покровской, Э. В. Севортяна. В рамках данного совещания были также определены ключевые задачи по составлению вопросника, сроки сбора, обработки и переноса материала на картографическую основу. Формирование программы, инструкций по сбору материала и транскрипции атласа было поручено сектору тюркских и монгольских языков Института языкознания Академии наук СССР [8]. В апреле 1972 года по итогам совещания представителей коллективов, работающих над атласом, было принято решение о разделении территории картографирования на 4 основные зоны с закреплением в каждой зоне отдельного руководителя: **Зона А** (27 населенных пунктов); **Зона Б** (34 населенных пункта); **Зона С** (40 населенных пунктов); **Зона Д** (38 населенных пунктов). В целом «Диалектологический атлас тюркских языков СССР», по сравнению с аналогичными изданиями, – самый большой атлас, который охватывает протяженную территорию расселения тюркских народов от Якутии до Молдавии. Карта-основа атласа представлена в масштабе 1:15000000 (1 см – 150 км) и содержит 146 опорных пунктов. Важной особенностью является еще и то, что расстояния между пунктами обследования весьма неравномерны [15, с. 7]. Данный факт связан исключительно с особенностями охватываемой территории. Главной задачей диалектологического атласа тюркских языков является выяснение распространения основных явлений, дифференцирующих все тюркские языки и диалекты. Из этой основной задачи вытекают специфика работы над таким атласом и его отличия от диалектологических атласов отдельных тюркских языков.

По мере изучения диалектного ландшафта появляется необходимость и возможность вынесения рамок картографирования вне отдельно взятого языка на более широкий в географическом отношении регион, что создает предпосылки для широкой этнолингвистической и этноонтологической интерпретации нескольких языков в территориально-временном континууме [13].

В данном исследовании мы впервые делаем попытку осмысления фактологического материала для создания универсального опросника для лингвистического (диалектологического) атласа ряда тюркских языков алтайской семьи Урало-Поволжья (башкирский, татарский, чувашский), Казахстана, Сибири (тоболо-иртышские,

барабинские и томские диалекты татарского языка) и Северо-Востока Российской Федерации в рамках следующих когнитивных сфер: I «Природа (неживая и живая)»; II «Человек (как живое существо)»; III «Общество (человек как общественное существо)»; IV «Познание (априори)». В методологическом отношении мы опираемся на результаты применения указанной когнитивной классификации лексических (семантических) данных, полагая при этом, что указанный подход позволит поставить во главу угла не только соотношения родственных языков, но и проблемы познания окружающего и духовного мира народами. Говоря в целом о существующих диалектологических атласах, заметим, что, несмотря на свой характер и охват (будь то национальный атлас или же капитальный «Диалектологический атлас тюркских языков»), они все характеризуются комплексностью. Это подразумевает под собой наличие картографической базы и в определенном плане была успешно реализована на опыте изданного во Франции «Лингвистического атласа Европы» (Atlas Linguarum Europae, 1976-2002) [Там же, с. 8]. На практике данного языкового атласа в свое время в АН СССР было задумано издание «Диалектологического атласа тюркских языков СССР». Ответственными за составление и выпуск Атласа, как отмечалось ранее, были назначены Э. Р. Тенишев (Москва) и Л. Т. Махмутова (Казань) [13].

В работе представлено когнитологическое описание лексических систем якутского, башкирского, татарского, чувашского и казахского языков в рамках четырех когнитивных сфер, где нашли отражение наиболее показательные семантические особенности исследуемых языков.

I. Природа

1. Неживая природа

Земля, виды земного рельефа:

«болото, болотистое место»: башк. *һазлык*; башк. кизильский, демский, средний говоры *көрәкәлек*; башк. караидельский говор *күтер*; башк. сакмарский, аргаяшский говоры *куна*; башк. иргизский говор *купалык*; башк. гайнинский говор *ләпкәс* [5, с. 369]; башк. сальзигутский говор *ләшә, һазы* [Там же]; башк. демский говор *сазмырт, табыр*; башк. айский говор *һазам, һаззауык* [Там же]; башк. кизильский говор *һазамат, һазмат* [Там же]; башк. средний говор *һазмырт, һазмырт* [Там же]; башк. икский говор *күтер, һазмат* [Там же]; башк. миасский говор *һазыран* [Там же]; тат. *сазлык* [3, с. 555]; тат. заказанский говор *сазамак*; мел. *сазамык* [Там же]; тат. пермский говор *ләпек («грязь»)* [Там же, с. 458]; тат. заболотный говор сибирско-татарского диалекта *лемхе («болотистое место»)* [Там же, с. 459]; тат. тарский говор *күтәрәк («трясина в болоте»)* [Там же, с. 359]; чув. *шур, шурләх, лачака, ушах* [11, с. 206]; як. *маар, бадараан, дьэбэрэ, убаҕас («жижа»)*; каз. *батпақ; саз; саз батпақ* [17, р. 676]. В этимологическом словаре алтайских языков наблюдаются следующие пратюркские, монгольские и тунгусские основы-соответствия: *PTurk. köŋ* [Ibidem, p. 839]; *PTung. kut'i, xalt, tērgē* [Ibidem, p. 749, 758, 1423]; *PMong. labku, *lobku («болото, влажная почва»)* [Ibidem, p. 872];

«равнина»: башк. *тигезлек, тигез ер* [9]; башк. аргаяшский говор *киңер – йылга киңере («речная равнина»), төҙәм йер* [Там же]; башк. кизильский, сакмарский говоры *тибездлек* [Там же]; башк. средний говор *типсен, типшән* [Там же]; башк. сальзигутский, миасский, айский говоры *төҙәм йер* [Там же]; тат. *тигезлек* [3, с. 633]; тат. кузнецкий говор *тиң («ровный»)* [Там же]; чув. *түремләх, түрем, тикәс («ровный»), такар («ровный»)* [11, с. 349]; казахск. *жазаң, жазық, тегістік*; якутск. *дэхси сир*; *PTurk. *ala-n / *ala-ŋ* [17, р. 1120]; *PTung. *agulān* [Ibidem, p. 276]; **keber- («равнина, степь, луг»)* [Ibidem, p. 655]; **niata («равнина»)* [Ibidem, p. 1011]; *PMong. *kegere («степь, пустыня»)* [Ibidem, p. 655];

«грязь»: башк. *баткак* [9]; тат. *баткак* [Там же]; якутск. *бадараан, бырыы*; казахск. *балшық; батпақ*; чув. *пылчак, вараланчак, хура, таса мар* [11, с. 237]; *кирәк («грязь»)* [Там же, с. 55]; *PTung. aK- («грязь», «ржавчина», «плесень»)* [17, р. 282]; **al-* [Ibidem, p. 294]; **bul- («грязь»)* [Ibidem, p. 344]; **xola-* [Ibidem, p. 797]; **iaŋ-* («грязь», «пачкаться грязью») [Ibidem, p. 1006]; **siaf* [Ibidem, p. 1413]; **tip-* [Ibidem, p. 1445]; *PMong. *kir («грязь»)* [Ibidem, p. 791]; *(h)ag («грязь», «налет»)* [Ibidem, p. 282]; **bat-ga* [Ibidem, p. 332]; **bul- («грязь»)* [Ibidem, p. 344]; **kokir («грязь»)* [Ibidem, p. 715]; **lag («грязь», «осадок»)* [Ibidem, p. 862]; *PTurk. *kir («грязь»)* [Ibidem, p. 791]; **bat-gak («грязь», «топь», «болото»)* [Ibidem, p. 332]; **baŋ-* («грязь», «глина») [Ibidem, p. 345]; **šib («грязь», «осадок»)* [Ibidem, p. 452]; **siaf/saz* [Ibidem, p. 1269].

2. Живая природа

Растения: «полюнь»: башк. *әрем*; башк. ик-сакмарский говор *өлпө («полевая полюнь»)*; тат. *әрем*; чув. *армути, эрәм* [11, с. 333]; каз. *ермен, жусан*; якутск. *сытыган, эрбэһин*; *PTurk. eřen* [17, р. 521]; *jablan* [Ibidem, p. 1529]; *PMong. erme, (h)agi* [Ibidem, p. 521]; *sibag* [Ibidem, p. 1238]; *suji-ka* [Ibidem, p. 1314]; *PTung. suga-ka* [Ibidem].

II. Человек (как живое существо)

1. Человек как физико-биологическое существо

Организм человека: внешнее и внутреннее строение, органы:

«лоб»: башк. *маңлай* [9]; башк. северо-западный диалект, демский, средний говоры *мағалай*; башк. ик-сакмарский, демский говоры *мағанай* [Там же]; башк. северо-западный диалект, средний говор *мағлай* [Там же]; башк. аргаяшский, миасский говоры *мандай* [Там же]; башк. аргаяшский говор *мантай* [Там же]; башк. сальзигутский гайнинский, ик-сакмарский, айский говоры *маңгай* [Там же]; башк. гайнинский говор *моғалай*; башк. аргаяшский айский говоры *сикә*; башк. ик-сакмарский говор *таңмай* [Там же]; башк. ик-сакмарский, средний говоры *йагак («висок»)*; башк. кизильский говор *йагосо («висок»), һамай («висок»)* [Там же]; тат. *маңгай* [3, с. 467]; тат. барабинский диалект *мандай* [Там же]; чув. *самка* [11, с. 287]; як. *сүүс*; каз. *мандай, самай («висок»), шеке («висок»)*; *PTurk. *K(i)atak/*K(i)arak («лоб, передняя часть, висок»)* [17, р. 687]; *ala (~ -ē-)* («перед, лоб») [Ibidem, p. 284]; **bejji («мозг, вместилище разума»)* [Ibidem, p. 895]; *PMong.*

duki* [Ibidem, p. 1378]; **maŋlai* [Ibidem, p. 895]; PTung. **pějKe* («лоб, мозг») [Ibidem, p. 1130]; **dokta-* («лоб животного») [Ibidem, p. 1378]; **kiata*/kiara* («висок, лицо») [Ibidem, p. 687];

«ладонь»: башк. *ус аяһы* [9]; башк. сакмарский, иргизский говоры *алакан* [Там же]; башк. демский говор *устабан* [Там же]; тат. *уч*; тат. барабинский диалект *алақан* [3]; чув. *ал лаппи, ал тупанё* [11, с. 284]; казахск. *алақан*; якутск. *ытыс*; PTurk. **āja* (< **āja*) [17, p. 1121]; PMong. **haliga(n)* [Ibidem]; PTung. **ralja* [Ibidem].

2. Человек как чувствующее, желающее, мыслящее и говорящее существо

Человек как мыслящее существо: «память»: башк. *ис, уй* [9]; тат. *зин, хәтер*; чув. *ас, астайым, тӓн* [11, с. 320]; *уйла, сӓтсе яв, калаҫ («рассудок, рассуждать»)* [Там же, с. 354]; *ӓс, ӓс-тӓн, ӓс-хакал* (все – «ум») [Там же, с. 405]; якутск. *ойго тутуу*; казахск. *ес; жид* [9].

III. Общество (человек как общественное существо)

Человек в населенном пункте, продукты питания: «жир» (масло): башк. *май, һимез («жирный»), көр* [4, с. 332]; чув. *су* [11, с. 255]; *су («масло»)* [Там же, с. 290]; казахск. *май, семіру («нагулять жир»)* [17, p. 1305]; якутск. *сыа, арыы* [Ibidem, p. 1306]; PTurk. **semiŋ* («жир, жирный») [Ibidem, p. 1228]; **sokta* («жир, сало») [Ibidem, p. 1305]; PMong. **semži* («жир, внутренний жир») [Ibidem, p. 1228]; PTung. **sebe* («жир животного») [Ibidem, p. 1232].

IV. Познание (априори)

Время:

«неделя»: башк. *азна, азналык* [10, с. 658]; башк. миасский, кизильский, иргизский говоры *йома*; башк. среднеуральский, гайнинский говор *этнә*; тат. *атна* [3, с. 62]; тат. пермский говор *этнә* [Там же, с. 89]; тат. тюменский говор *жома* [Там же, с. 114]; чув. *эрне, эрне кунсем («дни недели»)* [11, с. 303]; древнетюрк. *Айна* [7, с. 45];

«год»: башк. *йыл* [3, с. 237]; средний говор башк. *зил* [9]; башк. сакмарский говор *лыу йылы* («год дракона в 12-цикличном животном календаре») [Там же]; башк. миааский говор *тәүлек* [Там же]; башк. среднеуральский, кизильский, средний говоры *тәүлек*; тат. *ел* [3, с. 369]; тат. пермский, тюменский говоры *тәүлек* [Там же, с. 623]; тат. средний говор *жәши* [Там же, с. 185]; тат. чистопольский говор *жәшет («год, возраст»)* [Там же]; тат. крященский говор *жылы* [Там же, с. 195]; тат. чистопольский говор *йыл әйләнәсе («продолжительность года»)* [Там же, с. 369]; чув. *сул, султалак* [11, с. 232]; PTurk. **jil* («год») [17, p. 475]; **jäl* («возраст, год») [Ibidem, p. 961]; **jar-in* («следующий год») [Ibidem, p. 1028]; PMong. **žil* («год, годовой цикл») [Ibidem, p. 475]; **na-su(n)* («возраст, год жизни») [Ibidem, p. 961]; **hon* («год») [Ibidem, p. 1111]; PTung. **sē* («год, возраст») [Ibidem, p. 1512], казахск. *жыл*; якутск. *сыл, дьыл*.

Исходя из проанализированного материала, можно установить, что мировосприятие и мироощущение окружающей действительности (Природа, Человек, Общество, Познание) имеет свои характеристики, которые, в свою очередь, раскрывают суть становления мировоззрения, отражаемого в диалектной лексике народов исследуемого региона [14]. В ряде примеров наблюдается как *полная* («год»: башк. *йыл* [3, с. 237]; средний говор башк. *зил* [9]; башк. сакмарский говор *лыу йылы* («год дракона в 12-цикличном животном календаре») [Там же]; башк. миааский говор *тәүлек* [Там же]; башк. среднеуральский, кизильский, средний говоры *тәүлек*; тат. *ел* [3, с. 369]; тат. пермский, тюменский говоры *тәүлек* [Там же, с. 623]; тат. средний говор *жәши* [Там же, с. 185]; тат. чистопольский говор *жәшет («год, возраст»)* [Там же]; тат. крященский говор *жылы* [Там же, с. 195]; тат. чистопольский говор *йыл әйләнәсе («продолжительность года»)* [Там же, с. 369]; чув. *сул, султалак* [11, с. 232]; PTurk. **jil* («год») [17, p. 475]; **jäl* («возраст, год») [Ibidem, p. 961]; **jar-in* («следующий год») [Ibidem, p. 1028]; PMong. **žil* («год, годовой цикл») [Ibidem, p. 475]; **na-su(n)* («возраст, год жизни») [Ibidem, p. 961]; **hon* («год») [Ibidem, p. 1111]; PTung. **sē* («год, возраст») [Ibidem, p. 1512], казахск. *жыл*; якутск. *сыл, дьыл*; «ладонь»: башк. *ус аяһы* [9]; башк. сакмарский, иргизский говоры *алакан* [Там же]; башк. демский говор *устабан* [Там же]; тат. *уч*; тат. барабинский диалект *алақан* [3]; чув. *ал лаппи, ал тупанё* [11, с. 284]; казахск. *алақан*; якутск. *ытыс*; PTurk. **āja* (< **āja*) [17, p. 1121]; PMong. **haliga(n)* [Ibidem]; PTung. **ralja* [Ibidem]) или частичная тождественность (*тигезлек, тигез ер* [9]; башк. аргаяшский говор *киңер – йылга киңере («речная равнина»), төҙәм йер* [Там же]; башк. кизильский, сакмарский говоры *тибезлек* [Там же]; башк. средний говор *типсен, типсән* [Там же]; башк. салзигутский, миасский, айский говоры *төҙәм йер* [Там же]; тат. *тигезлек* [3, с. 633]; тат. кузнецкий говор *тиң («ровный»)* [Там же]; чув. *түремлӓх, түрем, тикӓс («ровный»), такар («ровный»)* [11, с. 349]; казахск. *жазаң, жазық, тегістік*; якутск. *дэхси сир*; PTurk. **ala-n*/**ala-ŋ* [17, p. 1120]; PTung. **agulān* [Ibidem, p. 276]; **keber-* («равнина, степь, луг») [Ibidem, p. 655]; **niata* («равнина») [Ibidem, p. 1011]; PMong. **keɣere* («степь, пустыня») [Ibidem, p. 655]), так и ее полное отсутствие («болото, болотистое место»: башк. *һазлык*; башк. кизильский, демский, средний говоры *керәкәлек*; башк. караидельский говор *күтер*; башк. сакмарский, аргаяшский говоры *куна*; башк. иргизский говор *купалык*; башк. гайнинский говор *ләпкәс* [5, с. 368]; башк. салзигутский говор *ләшә, һазы* [Там же, с. 369]; башк. демский говор *сазмырт, табыр*; башк. айский говор *һазам, һаззауык* [Там же]; башк. кизильский говор *һазамат, һазмат* [Там же]; башк. средний говор *һазамырт, һазмырт* [Там же]; башк. икский говор *күтер, һазмат* [Там же]; башк. миасский говор *һазыран* [Там же]; тат. *сазлык* [3, с. 555]; тат. заказанский говор *сазламак*; мел. *сазмык* [Там же]; тат. пермский говор *ләпек («грязь»)* [Там же, с. 458]; тат. заболотный говор сибирско-татарского диалекта *лемхе («болотистое место»)* [Там же, с. 459]; тат. тарский говор *кутәргәк («трясина в болоте»)* [Там же, с. 359]; чув. *шур, шурлӓх, лачака, ушах* [11, с. 206]; якутск. *маар, бадараан, дьэбэрэ, убаҕас («жижжа»)*; каз. *батпақ; саз; саз батпақ*; PTurk. *köŋ* [17, p. 839]; PTung. *kut' i, xali, tērgē* [Ibidem, p. 216, 749, 758, 1423]; PMong. *labku, *lobku* («болото, влажная почва») [Ibidem, p. 872]).

Создание диалектологического атласа нового типа с идеографической структурой и упорядоченной лексикой является сильным импульсом для последующего изучения языка, разработки проблем происхождения тюркских (алтайских) языков, истории межъязыковых контактов и вопросов типологии. В перспективе полученные результаты могут быть положены в основу для создания атласа диалектов нового типа как отдельного региона, так и отдельных языков Российской Федерации. Интерпретация корневых основ, в том числе и параллельно картографируемых лексем, подготовит почву для составления полновесного этимологического словаря башкирского языка. Более того, общая структура для лингвистических атласов отдельных близкородственных языков позволит, на наш взгляд, принципиально решить проблему сводимости данных в различных картографических изданиях. Решение ее может внести определенный вклад в разработку вопроса о степени родства народов региона и дать ценный фактологический материал для этноонтологической интерпретации генетических связей между тюркскими, алтайскими и уральскими языками.

Условные сокращения

башк. – башкирский язык
казахск. – казахский язык
тат. – татарский язык

чув. – чувашский язык
якутск. – якутский язык

Список источников

1. **Атлас татарских народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья:** в 2-х т. / под ред. Н. Б. Бургановой, Л. Т. Махмутовой, Ф. С. Баязитовой, Д. Б. Рамазановой, З. Р. Садыковой, Т. Х. Хайрутдиновой. Казань: Татпрокат-техприбор, 1989. Т. 1. 245 с.
2. **Баскаков Н. А.** Задачи составления тюркских ареальных исторических диалектологических атласов // Советская тюркология. Баку, 1982. Вып. 3. С. 3-9.
3. **Большой диалектологический словарь татарского языка** / сост. Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыкова, Т. Х. Хайретдинова. Казань: Татарское книжное издательство, 2009. 839 с.
4. **Диалектологический атлас башкирского языка** / АН Респ. Башкортостан, Отд-ние гуманитар. наук; РАН; Уфим. науч. центр, Ин-т истории, яз. и лит.; отв. ред. Ф. Г. Хисамитдинова. Уфа: Гилем, 2005. 402 с.
5. **Диалектологический словарь башкирского языка.** Уфа: Китап, 2002. 432 с.
6. **Диалектологический словарь якутского языка** / сост. П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев. М.: Наука, 1976. 392 с.
7. **Древнетюркский словарь.** Л.: Наука, 1969. 676 с.
8. **Жирмунский В. М.** О диалектологическом атласе тюркских языков Советского Союза // Вопросы языкознания. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Вып. 6. С. 3-8.
9. **Машинный фонд башкирского языка** [Электронный ресурс]. URL: <http://mfbl2.ru/mfbl/bashxyz> (дата обращения: 18.01.2017).
10. **Русско-башкирский словарь:** в 2-х т. / под ред. З. Г. Ураксина. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2005. Т. 2. 807 с.
11. **Скворцов М. И., Скворцова А. В.** Чувашско-русский и русско-чувашский словарь. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2012. 432 с.
12. **Шайхисламова З. Ф.** Топонимия северо-востока Башкортостана (историко-лингвистический анализ): монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. 212 с.
13. **Шайхулов А. Г.** Лингвокультурологическая картина мира как составляющая истории становления тюркоязычных народов Урало-Поволжья в контексте золотоордынской цивилизации (на материале исторической лексики: аспекты типологических и генетически контактных связей). Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. 268 с.
14. **Шайхулов А. Г.** Структура и идеографическая парадигматика однословных корневых основ в кыпчакских языках Урало-Поволжья в континууме ареальной, межтюркской и общетюркской лексики. Уфа: Изд-во Башкирского университета, 2000. 490 с.
15. **Ширалиев М. Ш.** Итоги и задачи диалектологии тюркских языков СССР // Вопросы диалектологии тюркских языков: сборник научных трудов. Уфа: БФАН СССР, 1985. С. 5-7.
16. **Эдельман Д. И.** Основные вопросы лингвистической географии. М.: Наука, 1968. 24 с.
17. **Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.** An Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Leiden, 2003. Vol. 1-3. 2096 p.

SOME ASPECTS OF THE METHODOLOGY OF RECONSTRUCTION OF THE WORLD VIEW OF THE PEOPLE IN THE CONTEXT OF ETHNIC-ONTOLOGICAL INTERPRETATION (BY THE MATERIAL OF THE ATLAS OF DIALECTS OF THE TURKIC LANGUAGES OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Asmond'yarov Vener Nadirovich
Bashkir State University, Ufa
asm-vener@mail.ru

The work is the first attempt to describe ideographically the vocabulary of the Bashkir, Tatar, Yakut, Chuvash and Kazakh languages within the framework of four cognitive spheres: Nature; Man; Society; Cognition. The purpose of this description is to prepare the basis for creating questionnaire structures of linguistic and dialectological atlases, as well as to facilitate the systematization of the maps themselves and comments to them. The relevance of the study is determined by the lack of study of the ideographic spheres of the dialectal vocabulary, which refers to different aspects of life of the Turkic peoples.

Key words and phrases: ethnic-ontological interpretation; dialects of the Turkic languages; ideography; cognitive spheres; the Altaic languages; linguistic atlas; dialectological atlas of the Turkic languages; worldview.